

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

DOI: 10.31857/S032150750012792-3

**ЭЛИТЫ И ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО В АФРИКЕ
(60 лет Декларации ООН о деколонизации)**

© 2020 Л. ФИТУНИ

ФИТУНИ Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Африки РАН; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня (africa.institute@yandex.ru)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-014-00019 «Санкционное и регулятивное таргетирование национальных элит как инструмент глобального управления и международной конкуренции».

Резюме. Программный документ Африканского Союза, «Повестка 2063» провозглашает в качестве одной из целей развития, «утверждение на континенте дееспособных институтов и трансформационного лидерства». Последнее как политический феномен не исследовалось нашей африканистикой. Восполняя этот пробел, статья объясняет содержание и смысл феномена, показывает степень готовности африканских элит к выполнению подобной миссии и возможные ответные реакции африканского общества.

Ключевые слова: деколонизация, элиты, лидерство, санкции, цифровое таргетирование, дестабилизация, смена режимов

ELITES AND TRANSFORMATIONAL LEADERSHIP IN AFRICA: DIALECTICS OF INTERNAL AND EXTERNAL (60th Anniversary of UN Declaration on Decolonisation)

Leonid L. FITUNI, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences (RAS), Dr.Sc. (Economics), Professor; Deputy-Director, Institute for African Studies RAS; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal (africa.institute@yandex.ru)

Abstract. «Agenda 2063», the main policy document of the African Union (AU), posits: "We aspire that by 2063, Africa will have capable institutions and transformative leadership (TA) in place at all levels». As a political phenomenon TL has not yet been researched by Russian Africanists. To our knowledge, the current article is the first attempt to fill this gap. This paper explicates the essence of the phenomenon, shows the degree of real readiness of African elites to carry out such a mission and possible responses of African society. It reveals the role of external influences on the course of the process under consideration and its expected final results. The author researches the instrumentality of leadership policy as a tool for both developmental and manipulative ends. Leadership policy is seen as a tool for renewing and managing old elites. The experience of many African countries has shown that such pressure instruments as targeted Western sanctions and other regulatory instruments are gradually becoming less effective and do not lead to the expected rapid changes in the political orientation, policy lines or behavioral patterns of ruling elites.

The author argues that the significance of TL as of a real goal, tool or measure of success is greatly exaggerated. He insists that without dismissing the importance of personal example and the ability to inspire and captivate the masses, both are subjective factors that can only to a degree speed up or delay social, economic and political transformations, whose timeliness and success are determined by objective causes and conditions.

Keywords: decolonization, elites, counter-elites, leadership, sanctions, digital targeting, destabilization, regime change

В этом году, несмотря всю сложность ситуации с эпидемией COVID-19, многие страны и ряд международных организаций торжественно отметили 60-летние юбилеи «Года Африки» и принятия Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Ее инициатором был Советский Союз, считавший колониальные народы своими союзниками в борьбе с империализмом.

Сегодня, в эпоху активного переписывания истории, многие склонны замалчивать активные усилия ведущих стран Запада, пытавшихся, существенно замедлить процесс освобождения колониальных народов, на ограблении которых зиждилось благосостояние и образ жизни метропо-

лий. Дело дошло до того, что представители Запада начали поговаривать об ограничении притока в ООН новых возникающих государств [1].

Об этом сегодня предпочитают не вспоминать, но 14 декабря 1960 г., когда после острых дебатов и кулуарной борьбы Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов (90 - за; 0 - против) приняла резолюцию 1514 (XV), содержащую текст Декларации, 9 стран (США, Англия, Франция, Австралия, Бельгия, Португалия, Испания, Южно-Африканский Союз и Доминиканская Республика) при голосовании воздержались. Эти страны навсегда останутся в истории государствами, не поддержавшими остальной мир в вопросе деколонизации. Принятие Декларации

стало крупной исторической вехой в жизни и борьбе народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, а для СССР, помимо этого, оно явилось важнейшей дипломатической победой.

«ЧЕРНАЯ ЭЛИТА» И ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ

Сколь бы велика и значима ни была помощь и поддержка Советского Союза и других прогрессивных сил мира, достижение независимости было невозможно без первостепенной роли собственных усилий народов Африки.

В середине XX в. целенаправленную и организованную борьбу с колонизаторами возглавили лидеры национального освобождения, ставшие во многих странах отцами нации. Почти все они были представителями африканских элит, получивших образование (разного уровня) и испытавшие сильное культурное и политическое влияние институтов и структур, созданных колонизаторами для управления покоренными народами.

В первой трети XX в., видя перспективу потери колоний, метрополии интенсифицируют усилия по формированию в Африке пусть тонкой, но надежной и влиятельной прослойки лояльных колониальных служащих и определенного числа квалифицированных кадров из местных жителей.

Если не останавливаться на отдельных более ранних очаговых исключениях, формирование относительно многочисленной африканской элиты нового типа, именовавшейся колонизаторами «цивилизованной», сильно ускорилось примерно с 1920-х гг. К этому времени уже довольно значительное число африканцев работали на вспомогательных (посыльный, уборщик, носильщик) и низших штатных должностях в колониальных администрациях: учителями, почтальонами, надсмотрщиками, служили в армии, полиции или других структурах, занимавшихся вопросами местного населения.

Во французских колониях с течением времени все большее их число включалось в систему государственной Колониальной службы Республики. В рамках британской системы «косвенного колониального управления», наряду с имперскими, для африканцев существовали параллельные «туземные» институты власти, пусть и с урезанными полномочиями - судебные, полицейские и проч. органы, имевшие дело с коренным населением, а значит, были свои судьи, «министры», учителя и т.д. С поправкой на местные особенности схожие тенденции в большей или меньшей степени были характерны для бельгийских и португальских колоний.

Кроме того, во всех колониях росло число африканцев, чье благосостояние основывалось на

включенности в системы функционирования колониальных экономик и обслуживании европейских колонистов и администраций - от торговцев-перекупщиков крестьянской продукции до хозяев ресторанов и увеселительных заведений для белых. Дети этой части населения нередко получали европейское образование доступного родителям уровня. Некоторые из них учились непосредственно в метрополиях. Многие обучались грамоте и началам «европейских» наук благодаря деятельности религиозных миссий и благотворительных организаций.

Именно из среды таких более образованных и тесно контактирующих с колонизаторами африканцев и выйдут, ставшие впоследствии легендами, лидеры национально-освободительной борьбы, первые руководители стран континента, сбросивших колониальное иго.

Биографии лидеров африканских государств, ставших независимыми в год принятия Декларации о деколонизации или возглавивших свои страны 2-3 годами ранее, во многом схожи. За редким исключением они происходили из состоятельных или явно не бедствующих африканских семей, начинали учебу в религиозных школах. Те, кто получил высшее образование, учился в метрополиях. В дальнейшем практически все были служащими колониальных структур, во время работы в которых они оказались активно вовлечены в политику, а затем, в основном благодаря выдающимся личным лидерским качествам, оказались во главе своих стран.

Те из них, кто удержался у власти, заложили основу будущих правящих элит независимых африканских государств. Все лидеры освобождения являлись представителями образованной и национально настроенной части африканской элиты. В советское время их называли революционными демократами. И если революционности хватало даже в самых консервативных из них, то, как показало постколониальное развитие их стран, демократами их следовало именовать с большой степенью условности.

ЛИДЕРЫ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Большинство из лидеров, возглавивших страны в 1960 г., ввели в них однопартийные системы. Многие долго оставались у власти, покинув свои посты лишь в результате госпереворотов (см. *табл.*).

Первый военный переворот в современной истории независимых африканских государств к югу от Сахары произошел в ночь с 12 на 13 января 1963 г. в Того. Он был организован группой военных во главе с сержантом Э.Эйадема, кото-

Таблица

Африканские лидеры, пришедшие к власти в Год Африки

Страна	Президент / премьер министр (п-м)	Одно- партий ность	Покинул пост в	Причина ухода	Лет у власти
БСК (Кот-д'Ивуар)	Уфуэ-Буаьи	де-факто да	1993	умер на посту	33
Верхняя Вольта (Буркина Фасо)	М. Ямеого	да	1966	отставка под давлением протестов	5,5
Габон	Л. Мба	нет	1967	умер от рака	7
Дагомея (Бенин)	Ю.Мага (в 1970-1972 - председатель Президентского Совета)	нет	1963; повторно у власти 1970-1972	1963 - переворот; 1972 - плановая ротация в Президентском совете	суммарно – 5 лет
Камерун	А. Ахиджо	да	1982	отставка «по состоянию здоровья»	22,5
Конго (ДРК)	П. Лумумба (п-м)	нет	1960	мятеж, пленен, убит	менее 0,5
Мавритания	М. ульд Дада	да	1978	переворот	17,5
Мадагаскар	Ф. Циранана	нет	1972	отставка	12
Мали	М.Кейта	да	1968	переворот	8
Нигер	А. Диори	да.	1974	переворот	13,5
Нигерия	А. Балева (п-м)	нет	1966	переворот, убит	5
Респ. Конго	Ф. Юлу	нет	1963	переворот	3
Сенегал	Л. Сенгор	да (до 1966)	1980	отставка	19,5
Сомали	Аден Даар	нет	1967	поражение на выборах	7
Того	С. Олимпио	нет	1963	переворот, убит	3
ЦАР	Д. Дако	да	1966; повторно 1979-1981	оба раза - перевороты	суммарно ок. 8 лет
Чад	Ф. Томбалбай	да	1975	переворот, убит	14,5

Составлено автором.

рый лично убил президента С.Олимпио. Позже (в 1967-2005 гг.). Э.Эйадема сам станет президентом страны. В 1967 г. потерпевший поражение на выборах президент Сомали А.Даар стал первым африканским лидером, мирно уступившим свой пост в рамках демократического процесса.

1960-е годы стали в Африке периодом начала государственного строительства, глубоких экономических преобразований. На этом пути при всех трудностях и противодействии неокolonизаторов были достигнуты зримые успехи, выразившиеся в умеренно высоких (3-3,5%) темпах прироста ВВП и впечатляющих достижениях в области охвата населения услугами здравоохранения и начального образования.

Последующие десятилетия ознаменовались утверждением национальной государственности для абсолютного большинства стран континента, хотя не раз отдельные из них назывались «несо-

стоявшимися» (*failed*) или «хрупкими» (*fragile*). Но, в целом, это были достаточно трудные годы с серьезными проблемами в экономике, ростом внешней задолженности, частыми вооруженными конфликтами и переворотами, все более обостряющимися социальными проблемами. С нарастанием вала внутренних и внешних проблем правящие элиты постоянно сталкивались с проявлениями недовольства различных групп общества, которое стало социально более сложным и образованным.

Закрепившиеся во власти некогда пассионарные вожди деколонизации постепенно оказались окруженными замкнутой правящей элитой, живущей собственной, отличной от народа жизнью, пропитанной коррупцией, не желающей тратить усилия ни на что, кроме себя самой.

В чем причина такой метаморфозы? Политически ангажированные и просто поверхностные

публикации зачастую сводят суть проблемы к отдельным личностям, стоящим во главе африканской страны, - «коррумпированным тиранам, диктаторам, людоедам и параноикам». Обязательный набор посвященных им «расследований» включает, подобно бендеровскому «Незаменимому пособию для сочинения юбилейных статей и табельных фельетонов» [2, с. 589], такие элементы, как тайные счета, убитые противники, секретные тюрьмы, политические заключенные, роскошные дворцы и золотые унитазы. Никого не смущает, что весь этот набор, в том или ином виде или сочетаниях, присутствует в самых, что ни на есть, ведущих демократиях мира и без особого труда применим к немалому числу их номинальных и фактических правителей.

Как представляется, куда важнее личностных характеристик те реалии, в которых формируются и существуют африканские элиты. Начиная с 1960-1970-х гг., доступ к образованию в африканских странах расширился. Росло число претендентов на чиновничьи должности. Одновременно происходил численный рост и дифференциация внутри элиты. Более четкими стали контуры ее отдельных отрядов: политической, военной, деловой, культурной элит. При этом, естественно, жестких границ между последними не существовало, тем более что, порой, одно и то же лицо соединяло в себе все четыре качества.

При численном росте претендентов на более высокие позиции в обществе большой проблемой для омоложения элит и даже простых кадровых ротаций становятся демографические и социальные особенности современной Африки. Число людей, претендующих на попадание в привилегированные слои общества быстро растет из-за высоких темпов рождаемости, большой доли молодежи в общем составе населения и успехов в реализации целей устойчивого развития, включая доступность и качество образования, гендерное равенство, физическую и социальную мобильность и т.д.

Достижения в увеличении продолжительности жизни, медицине и поддержании здоровья объективно содействуют сохранению активного долголетия действующих представителей элит. Так, в Камеруне, обретшем независимость в Год Африки, за последующие 60 лет президент менялся только один раз, в 1982 г. Тем не менее, на протяжении этого периода, в сравнении с другими странами Субсахарской Африки, республика показывала неплохие темпы экономического роста и политическую стабильность, столь неожиданную в чрезвычайно сложных объективных условиях ее развития (различия между мусульманским севером и христианским югом, франко- и англофон-

ными частями страны, инфильтрация банд «Боко Харам» из соседней Нигерии и т.д.).

В то же время следует помнить, что африканские элиты никогда не были тотально вестернизированными. Даже в области образования и квалификационного формирования национальных элит большое влияние сохраняют традиционалистские подходы и нормы. Жесткая дихотомия «современность/традиционность» не годится для анализа элит Африки. В жизни их реальная легитимность, какой бы она ни была, в основе своей проистекает из их способности кормить ту базу/клиентуру (клановую, родоплеменную, этническую, религиозную, классовую и т.п.), на которой зиждется их власть.

И в этом еще одна причина, по которой политическим элитам Африки бывает крайне сложно добиться всеобщей, универсальной электоральной базы и легитимности. Эта же черта делает африканские политические системы уязвимыми для внешних воздействий или манипулятивных влияний. Последние могут осуществляться как через подрыв позиций правящей верхушки и создания угроз благосостоянию политических элит, так и через «конструктивное сотрудничество» с ними путем обеспечения устойчивости их положения в шатких и угрожаемых ситуациях. Во многих случаях внешнее воздействие реализуется посредством введения внешними игроками санкций либо против отдельных лиц, либо широких слоев элит, либо против страны, в целом.

В условиях, когда широкая общенациональная поддержка для примерно равновесных соперничающих групп элит невозможна, более вероятно выдвижение на передний план конкретных лидеров - одного или нескольких, формальных и неформальных. В обоих случаях возможна их иерархическая (руководящий совет и подчиненные им «группенфюреры») или сетевая организация, которую на начальных этапах функционирования ошибочно называют «безлидерной технологией». При этом, по крайней мере, в Африке, смена лидера в большинстве случаев кардинальным образом существующих в стране проблем не решает. Опыт показывает, что, порой, ситуация становится только хуже.

ЛИДЕРЫ «ПРОТИВ» ЭЛИТЫ

Говоря о лидерстве, приходится констатировать, что в общем корпусе западной политической литературы, анализирующей тренды и особенности развития «недемократических» стран - постсоветских и развивающихся, включая и африканские, заметен, в общем-то, и не скрываемый перекос в сторону персонификации причин и основа-

ний для тех или иных явлений социально-экономической жизни.

Виновниками снижения жизненного уровня, инфляции, коррупции, репрессий, разработки оружия и распространения болезней называются конкретные государственные лидеры. Однако подобная увязка весьма избирательна и не применяется ко всем странам одинаково. Те же самые явления на Западе, как правило, трактуются как объективные процессы, проистекающие из складывающегося комплекса внешних и внутренних причин.

Логическим следствием тренда к персонификации стала нездоровая увлеченность концептом лидерства как важным инструментом социального конструирования и управления общественным развитием. В этой связи выделение из среды элит лидеров в качестве узлового звена трансляции внешнего воздействия имеет огромные социально-политические последствия, поскольку превращается в осмысленную «политику лидерства».

На рубеже XX и XXI вв. в условиях победного шествия глобализации и глобального управления начался целенаправленный перевод политического развития в сторону разрушения суверенитета наций и передачи ряда контрольных функций наднациональным структурам, формирование которых не осуществляется демократическим и прозрачным способом. Этот процесс предполагает разрушение старых системообразующих организационных начал. Ломаются ключевые идентификаторы национальной государственности: легко меняются границы и внешние атрибуты прежней национальной государственности (флаг, герб, символика), внутри стран перетасовываются социальные структуры и стратификация обществ, делегитимизируются элиты.

Политическое лидерство в этих условиях является удобным инструментом для аргументации в пользу социально-экономического трансформирования («плохой засидевшийся лидер») и в пользу конкретных новых акторов («честные новые лица»). В этих условиях новизна сама по себе становится меритократической характеристикой. Еще ничего не сделавший новый лидер хорош уже в силу того, что он *новый*, и его удалось привести к власти.

Этот момент характерен не только для Африки. Ярким примером может служить присуждение в 2009 г. впервые избранному и на тот момент даже не прошедшему инаугурации новому президенту США Б.Обаме Нобелевской премии мира. Эта манипуляция сразу перевела пока ничего не сделавшего новоиспеченного победителя на выборах из дебютантов в международных делах в ко-

гортю получивших признание «выдающихся лидеров мировой политики».

ЛИДЕРСТВО КАК ПОЛИТТЕХНОЛОГИЯ

Политика лидерства рассматривается как инструмент обновления старых элит и управления ими. Практика многих африканских стран показала, что такие орудия давления, как таргетированные санкции Запада и другие регуляторные инструменты, постепенно становятся менее эффективными и не приводят к ожидаемо быстрым изменениям курса правящих властей. В условиях многополярности у африканских властей вновь, как и в годы Холодной войны, появляется больше простора для маневрирования между соперничающими державами, а эффект от односторонних санкций резко снижается, хотя и не исчезает вовсе.

В современной реинкарнации колониальной политики возвращения лояльных «черных элит» действующую власть в таргетируемых африканских странах пытаются сменить на «лидеров, воспитанных по-новому, имеющих современные взгляды и лучше понимающих реальные проблемы страны» [3, р. 2]. Этим лидерам отводится роль консервного ножа, вспарывающего металлическую упаковку законсервированного продукта. Такой инструмент должен иметь правильную форму, степень жесткости и остроту. Важная роль в этой связи отводится «затачиванию» новых лидеров под заданные цели.

В Африке, но чаще за рубежом, для африканской молодежи создаются школы лидерства, проводятся семинары, тренинги. Зачастую такие воспитательно-образовательные структуры не выносят политические задачи в анонсы своего целеполагания, а подводят к ним исподволь в ходе занятий. Номинально же они позиционируются как курсы совершенствования языковой подготовки, лагеря экологов, семинары журналистского мастерства, чемпионаты компьютерщиков. Их глубинную связь, однако, выдает почти неизменная добавка - «школа (программа, курсы) лидеров». США, страны ЕС, Великобритания тратят на них значительные государственные средства, ассигнуемые либо напрямую, либо через общественные/неправительственные организации-прокладки. Во всех них политическая индоктринация - иногда открытая, порой завуалированная - является неотъемлемой частью.

Например, в США программы лидерства входят в зону ответственности Госдепартамента, где ими занимается Бюро по делам в области образования и культуры. В рамках последнего существует специальное Подразделение молодежных про-

грамм (*Youth Programs Division*), задача которого - «соединить с американцами нынешних и возникающих лидеров из зарубежных стран, с тем, чтобы создать прочные связи и сети, обеспечивающие безопасность и процветание Соединенных Штатов, а для иностранных визитеров открывающие новые перспективы». В 2019 г. в рамках публичной дипломатии Госдеп осуществлял 90 программ обмена, в которых участвовали 55 тыс. человек, «некоторые из которых с большой вероятностью станут или являются уже сейчас политическими и экономическими лидерами» [3, р. 2].

В 2019 г. в рамках публичной дипломатии Госдеп осуществлял 90 программ обмена, в которых участвовали 55 тыс. человек, «некоторые из которых с большой вероятностью станут или являются уже сейчас политическими и экономическими лидерами» [3, р. 2]. К началу 2019 г. за все время существования программ лидерства (с 1949 г.) 589 их выпускников стали главами государств или правительств в различных странах мира, более 1800 чел. в своих странах занимали или занимают сейчас пост министра. Из аккредитованных ныне в США послов иностранных государств 26 - выпускники американских программ обменов [3, р. 36].

Финансируемая США Инициатива «Молодые африканские лидеры» (*YALI*) ориентирована на вовлечение и поддержку «поднимающегося поколения лидеров гражданского общества, госслужбы и бизнеса. Главной адресной аудиторией в Африке являются молодежь, женщины, представители выборных органов, предприниматели, работники традиционных и социальных СМИ, учителя, ученые, а также мозговые центры (*think-tanks*) и члены маргинализированных групп» [3, р. 57].

Программы подготовки лидеров для Африки имеют все бывшие колониальные метрополии. В итальянском Милане работает *Emerging African Innovation Leaders Programme* [6]. В 2018 г. Британский Совет запустил на континенте молодежную программу «*English Connects*» - инновационный инструмент «мягкой силы», цель которого «с помощью английского языка связать с Великобританией 2,5 млн молодых африканцев и будущих лидеров» из Кот-д'Ивуара, Мали, Сенегала, Анголы, Камеруна, Джибути, Габона, Гвинеи (Коннакри), ДРК, Нигера [4, р. 27]. Париж ведет «Программу молодых франко-африканских лидеров 2020 г.» для лиц от 28 до 40 лет [5].

Часть выпускников таких программ и школ со временем вливаются у себя на родине в ряды национальных политических элит, другие становятся неформальными лидерами и предпочитают

путь оппонирования и противодействия существующей власти. Особенностью нашего времени является превращение неформальных лидеров в контр-элиты - особую узкую прослойку общества, объединенную сходными групповыми интересами и занимающую, несмотря на нелояльность к властям, определенное и, по-своему, привилегированное место в социальной иерархии.

Неформальные лидеры в большинстве случаев радикально настроены по отношению к существующим формально демократическим институтам общества и власти. Они целеустремленно пытаются встать на место руководства, нередко дезорганизуя стандартные демократические процессы, такие, как выборы, не принимая никаких иных результатов, кроме собственной победы.

В Африке, только за период с 2000 г. проигравшей стороной, ссылавшейся на имевшие место подтасовки и манипуляции, не были признаны результаты президентских выборов - в Алжире (2009, 2014), Бурунди (2015), Габоне (2016), Джибути (2016), Замбии (2015), Камеруне (2004, 2011, 2018), Кот-д'Ивуаре (2010), Мавритании (2014), Республике Конго (2016), Руанде (2003, 2010, 2017), Того, (2015), Чаде (2016), Экваториальной Гвинее (2009, 2016). И всеобщих (парламентских) выборов - в Бурунди (2015), Гвинее (2013), ДРК (2018), Замбии (2016), Зимбабве (2008, 2013), Кении (2007, 2013) Кот-Д'Ивуаре (2011), Ливии (2014), Маврикии (2019) Мавритании (2013), Малави (2014, 2019), Нигерии (2007), Танзании (2015), Судане (2015), Уганде (2006, 2011, 2016) Эфиопии (2005, 2010, 2015)¹.

СРЕДСТВО ИЛИ ЦЕЛЬ?

Африканский Союз и другие panaфриканские организации не остались в стороне от модного глобального тренда к признанию возрастания направляющей, сплачивающей и руководящей роли лидеров (речь не только об индивидуумах, но и о группах лиц, объединенных общей целью) в достижении желаемых результатов.

Вызов со стороны неформальных лидеров подталкивает властную политическую элиту совершенствовать свои лидерские качества и активней браться за насущные проблемы. Это понимание ныне распространилось на властные элиты всех членов АС. Коллективные решения участников всеафриканских саммитов требуют от руководства стран континента лидерства в преобразовании африканских обществ. Это не абстрактный призыв, а программное требование, причем сформулированное достаточно конкрет-

¹ Подсчитано автором.

но и технологично (на наш взгляд, даже излишне политтехнологично, но недостаточно научно обоснованно).

Главный программный документ АС «Повестка 2063» провозглашает в качестве одной из 20 фундаментальных целей развития Африки, «утверждение на континенте дееспособных институтов и трансформационного лидерства» (ТЛ).

Несмотря на наличие в России глубоких исследований по политическому лидерству в Африке [см.: 7; 8; 9], ТЛ как институционально важный аспект, избранный АС в качестве ключа к решению фундаментальных проблем континента, оставалось вне зоны внимания.

Под ТЛ в документах АС понимается лидерство, которое приводит к позитивным радикальным изменениям. Панафриканские структуры исходят из того, что именно оно будет способствовать повсеместному и очевидному улучшению жизни людей, что выразится в росте доходов, увеличении продолжительности жизни, всеобъемлющих системах социальной защиты и всеобщем доступе к базовым услугам [10, р. v].

Термином «трансформационное лидерство» в социальной психологии обозначают одну из моделей общественного влияния, при которой лидер, вдохновляя своим примером других членов группы (сообщества), обретает их поддержку и побуждает к увеличению усилий для достижения цели.

Методики трансформационного лидерства широко используются в организационном менеджменте и бизнесе, хотя, строго говоря, объективно измерить их эффективность сложно. Считается, что ТЛ усиливает мотивацию, поднимает моральный дух и увеличивает производительность. Однако вычленив во всех этих положительных моментах вклад именно ТЛ, отделив его от множества других факторов человеческих и производственных отношений, вряд ли возможно - в первую очередь, в силу субъективности самой оценки роли трансформационного лидерства (измеряется путем т.н. мультифакторных опросов).

Скорее всего, упор именно на этот, а не какой-то другой тип лидерства (например, на т.н. *транзакционное*) в документах Африканского Союза - следствие влияния «прогрессистских» подходов, а может быть, личных предпочтений экспертов и советников из различных международных организаций, институтов глобального управления и западных аналитических центров, которые внесли большой вклад в разработку подготовительных и обосновывающих материалов (*background notes*), прежде чем Ассамблея АС приняла «Повестку 2063».

Афросоюз подчеркивает важность «разработки и убедительного донесения до аудитории про-

граммы успеха» в отдаленном будущем, создания разнообразных вспомогательных институтов и получения скорых видимых результатов для стимулирования объектов трансформирования. Кроме того, сами лидеры должны вдохновлять и мобилизовать население, использовать лучшие технические возможности для осуществления программы преобразований и формировать политические коалиции, необходимые для обеспечения устойчивого развития. ТЛ планируется реализовать «во всех областях и на всех уровнях: политике, бизнесе, промышленности, науке, религии, вождестве, культуре, здравоохранении и других» [11, р. 139].

Конкретно, план первого десятилетия реализации «Повестки 2063» предусматривает достижение следующих показателей как мерила осуществления трансформационного лидерства:

«На национальном уровне -

1. По меньшей мере, 70% населения будут считать, что государственная служба является профессиональной, эффективной, отзывчивой, подотчетной, беспристрастной и свободной от коррупции;

2. По меньшей мере, 70% населения признают актуальность и хорошее функционирование законодательной власти как ключевого компонента демократии.

На общеконтинентальном уровне -

1. По меньшей мере, 70% государств-членов на деле придерживаются положений Африканской хартии ценностей и принципов государственного управления;

2. По меньшей мере, 70% государств-членов осуществляют Конвенцию АС о предупреждении коррупции и борьбе с ней» [11, р. 76].

На наш взгляд, постановка разработчиками таких контрольных показателей свидетельствует, в значительной степени, о неясном характере самой конечной цели. Заданные результаты должны быть достигнуты к концу 2023 г.

Кто и как будет их измерять? Выборочные опросы общественного мнения слишком ненадежный и легко манипулируемый инструмент. Да и сами индикаторы выглядят крайне завышенными даже для развитых государств с налаженной системой функционирования чиновничьего аппарата и служб.

Наше мнение подтверждается данными текущего мониторинга выполнения установок и целей «Повестки 2063». Вышедший в начале 2020 г. Первый доклад о реализации целей первого десятилетия «Повестки» констатирует, что государства-члены Афросоюза предпринимали усилия по укреплению институтов и совершенствованию руководства с целью сделать государственные

службы более профессиональными, эффективными, подотчетными, беспристрастными и свободными от коррупции.

Однако, согласно разработанным АС методикам количественной оценки эффективности этой работы, общая совокупная оценка результативности всей этой деятельности в 2019 году составила лишь 4% от целевого значения. Из 20 контролируемых целевых показателей «Повестки 2063» этот результат по степени успешности выполнения находится на предпоследнем месте (хуже дела обстоят только с повышением продуктивности сельского хозяйства, где уровень выполнения - 2%) [12, pp. 17, 23].

Сам замер этого показателя оказался трудно выполнимым и свелся, в конечном итоге, к оценкам (тоже довольно субъективным) частоты коррупционных проявлений при контактах с чиновниками. Путем опросов замерялась доля лиц, имевших хотя бы один контакт с государственным должностным лицом и дававших взятку государственному должностному лицу или получавших от этих государственных должностных лиц взятку в течение предыдущих 12 месяцев.

В ряде стран имел место резкий рост показателя. Так, в Буркина Фасо он возрос с 38% до 41%. Но были и исключения: например, в Бенине эта доля снизилась с 4,3% до 2,5%, а в Гане - с 31,6% до 29,9%. Снижение также наблюдалось и в Руанде - с 81,9% до 75,5%.

Однако итоги все равно хуже принятых на 2019 г. страновых целевых показателей. Чрезвычайно сильный (на порядок) разброс переменных у соседних стран, населенных одними и теми же или близ-

кородственными народами, также заставляет усомниться в достоверности измерений [12, p. 17].

В конечном итоге, весь мониторинг свелся к подсчету случаев взяточничества. Данных, касающихся более фундаментальных вопросов (удовлетворенность работой законодательной власти, выполнение общеафриканских задач) не приводится вовсе.

На наш взгляд, это косвенно свидетельствует о переоцененности трансформационного лидерства как реальной цели, инструмента или мерила успеха. Не списывая со счетов важность личного примера и способности воодушевить и увлечь за собой массы, напомним, что и то, и другое - лишь субъективные факторы, способные несколько ускорить или задержать социальные, экономические и политические трансформации, своевременность и успешность которых определяется объективными причинами и условиями.

Не только в Африке, но и во многих других регионах мира надуманные характеристики и количественные показатели принудительно провозглашаются в качестве мерила успеха на критически важных для страны направлениях. На деле они - лишь вторичный внешний атрибут, мало влияющий на содержательную сторону вопроса и реальные нужды. На обеспечение искусственно назначенных «критическими» показателей направляется внимание широких масс людей, затрачиваются немалые усилия, которые, возможно, полезней было бы направить на более насущные задачи, но требуемые качественные результаты так и остаются не достигнутыми. Воистину: «движение все, конечная цель - ничто!» И это не только африканская реальность.

Список литературы / References

1. Правда, 24.09.1960. С. 2. (Pravda, Moscow. 24.09.1960) (In Russ.)
2. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М., 1956. 656 с. (Ilf I., Petrov E. Golden Calf. Moscow, 1956) (In Russ.)
3. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2019 comprehensive annual report on public diplomacy & international broadcasting: Focus on FY 2018 budget data. Washington, DC. 2019. 266 p.
4. HM Government. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. 3d Annual Report. July 2019. London. 59 p.
5. Programme des jeunes leaders franco-africains 2020 pour les jeunes africains. <https://www.opportunitiesforafricans.com/french-african-young-leaders-program-2020/> (accessed 20.09.2020)
6. Fully-funded program for African Leaders in Milan, Italy. <https://www.marj3.com/en/fully-funded-program-for-african-leaders-in-milan-italy.html> (accessed 20.09.2020)
7. Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М., ИАФР РАН, 2016. 596 с. (Denisova T.S. 2016. Tropical Africa: the evolution of political leadership. Moscow) (In Russ.)
8. Прокопенко Л.Я. Имидж политических лидеров и партий в избирательных кампаниях. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 2 (33), с. 10-34. (Prokopenko L. 2015. Image of political leaders and parties in election campaigns. *Journal of the Institute for African Studies*. № 2 (33)) (In Russ.)
9. Прокопенко Л.Я. Молодое поколение лидеров в контексте ротации политических элит. *Молодежь в политической и социокультурной жизни Африки*. М., 2019, с. 203-227. (Prokopenko L. 2019. The young generation of leaders in the context of the rotation of political elites. *Youth in the political and socio-cultural life of Africa*. Moscow) (In Russ.)
10. ACBF Africa Capacity Report 2019. Harare. 2019. 276 p.
11. AU Agenda 2063. First 10 Years Implementation Plan 2014-2023. Addis Ababa: 2015. https://au.int/sites/default/files/documents/33126-doc-11_an_overview_of_agenda.pdf (accessed 20.09.2020)
12. First Continental Report on the Implementation of Agenda 2063. https://au.int/sites/default/files/documents/38060-doc-agenda_2063_implementation_report_en_web_version.pdf (accessed 20.09.2020)